

«Дохристианское воспитание»

Протоиерей Андрей Ткачѳв

Мышление ассоциативно. (Ассоциативное мышление – это вид мышления, основанный на связи одного понятия с другим (ассоциации). Каждый человек обладает этим видом мышления и постоянно использует его в повседневной жизни. Например, слово «песок» может вызвать у человека воспоминания о морском пляже, солнце, жаркой погоде. А при слове «мандарин» в голове сразу же возникают мысли о новогодних праздниках, наряженной елке. Подобные воспоминания называются ассоциациями. Примечательно, что у каждого человека ассоциации индивидуальны и зависят от личного опыта).

Стоит произнести: «христианское воспитание», как в сознании вспыхивает ряд картин. Это классные занятия по Закону Божию, освоение молитвослова, служба в храме, чтение Катехизиса. Выучить Десять заповедей, запомнить Блаженства евангельские, молиться утром и вечером — это и многое другое несомненно входит в круг понятий христианского воспитания.

Но нужно признаться, что подобное изучение ставит целью воздействовать на ум, а затем через ум — на душу. Это всего лишь часть необходимой воспитательной работы. Собственно, это более **образование, чем воспитание**, то есть более сообщение полезной информации, чем привитие ученику жизненно важных навыков.

Свойство жидкости — принимать форму наполняемого сосуда. Сосуды же бывают самых неудобных и вычурных форм. Они бывают внутри грязны или просто дырявы. Оттого и результаты обучения детей Закону Божию бывают пугающе далеки от ожидаемого.

Ребенок выучил молитву Господню, ознакомился со священной историей, научился изображать на себе крестное знамение, только вот помогать по дому не хочет, дерзит, лжет время от времени. По мере взросления он может пробовать курить, баловаться пивом, заслушиваться «попсой».

Может, наконец, взбунтоваться против Церкви и перестать ходить на службы. Реакция родителей колеблется между несколькими вариантами. Это может быть обида и удивление: «Как ты можешь?! Ведь ты верующий». Это может быть категоричное: «Он (она) бесноватый (ая). На отчетку его!» Или поиск виноватых: «Друзья плохие. Телевизор влияет. Улица испортила».

Нужно со всей решительностью заявить, что насыщение ума христианскими знаниями автоматически не делает человека лучше. Необходимо воздействие на все стороны личности. Нужна благоразумная строгость, трудовое воспитание, закалка воли, добрые примеры и еще многое другое.

Послушание родителям, уважение к старшим, благодарность, трудолюбие, скромность, терпение, щедрость и т.д. не являются сугубо христианскими добродетелями. Эти и другие добрые качества культивировались в разных традициях.

Ту сумму добродетелей, которую можно найти во «всемирной копилке нравственности», вернее, ту ее часть, которая не противоречит Евангелию, нужно прививать детям до устного наставления в вере.

Этот процесс я условно называю «дохристианским воспитанием». Мужество говорить на эту тему вдыхает апостол Павел. Он сказал, что «не духовное вначале». «Вначале душевное. Потом — духовное». Да и богословы наши, составляющие Катихизы, говорили, что «естественное» Откровение предшествует «сверхъестественному».

Прежде чем раскрыть святую Книгу, нужно всмотреться в окружающий мир. За фасадом его гармоничной сложности нужно вначале почувствовать руку Великого Художника. Тогда семя Писаний ляжет на вспаханную почву.

Итак, с чего же нам начать разговор о добродетелях, предшествующих благодати?

Начнем с трудолюбия. Отучая человека от лишних забот, Христос приводил в пример птиц небесных. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но Отец Небесный питает их.

Может показаться, что это проповедь безмятежности. Разуверят нас те, кто наблюдал за жизнью пернатых. Поиск пищи, строительство гнезда, кормление детенышей, бегство от хищников, перелеты в теплые края — все это делает птичью жизнь и хлопотной, и тяжелой. Речь идет не о беззаботности, а о ежедневной зависимости от Бога.

Птица никак не может обезопасить себя на будущее. У нее нет ни пенсии, ни других социальных гарантий. Она не может сдавать свитые гнезда в аренду и жить на проценты. Не может замораживать червячков в холодильнике. Птицы трудятся ежедневно, и только в этом залог того, что Бог питает их. Человек также должен быть всю жизнь деятелем.

Райская заповедь «возделывать и хранить» говорит о том, что Господь создал не сибарита (праздник, избалованный роскошью **человек**, бездельник), а деятельное существо. Если мы, например, из жалости не приучим ребенка трудиться (дескать, вырастет – наработается), то услуга эта будет похожа на то, как китайские цари подчеркивали благородство своих дочерей.

Им туго бинтовали ноги, так что девочки вырастали изуродованными, не могущими ходить. Затем их всю жизнь носили на руках и в паланкине, давая

понять, что их высокое происхождение чуждо всякой работе, даже хождению по земле.

И наши дети рискуют приобрести неисправимое душевное уродство, если не будут с малых лет застилать свою постель, убирать со стола посуду, класть игрушки на место и т.д. Заповедь о труде всеобъемлюща. Она касается всех, в том числе и тех, кто родился в богатой семье и ни в чем не нуждается.

Такой человек должен трудиться не для того, чтобы прокормить себя, но для того, чтобы оставаться человеком, а также для того, чтобы чувствовать сострадание к тем, кто гнет спину ради куска хлеба.

Известный филантроп XIX века доктор Гааз, сострадая каторжникам, идущим по этапу, и желая почувствовать себя в их шкуре, специально в неудобной обуви прохаживал огромные расстояния. Испытав их боль как свою, он добивался смягчения участи несчастных.

Умный миллионер заставит сына на лето устроиться почтальоном или разносчиком пиццы. В таком случае у миллионера будет больше уверенности в том, что, повзрослев, сын не разбазарит, а умножит наследство.

Так, к примеру, отец легендарного киевского головы XIX века И.И. Фундуклея, прежде чем оставить сыну огромные сбережения, до тридцати лет продержал его на мелких канцелярских должностях. Расчет оправдался. Фундуклей-младший умножил отцовский капитал и чрезвычайно мудро и человеколюбиво им распорядился.

Есть сербская сказка об одном короле, который попал в кораблекрушение с женой и дочкой. Их выбросило на берег в неизвестной стране. Там, не зная ремесел, они стали пасти чужих овец, проводя жизнь нищенскую.

Случилось, однако, королю той страны искать невесту своему сыну. Обошли королевство, увидели всех девиц — и выбрали ослепительно красивую беднячку — дочку этого пастуха. Царевич предложил ей руку и сердце, но отец девушки поставил ультиматум: «Дочь не отдам, пока ты, царевич, не выучишь одно из ремесел». Царевич возмутился, но подчинился воле будущего тестя и научился плести циновки. Сплел две штуки и опять пришел свататься.

«Сколько стоит одна циновка?» — спросил пастух. «Два гроша», — ответил царевич. «За сколько времени ты их сплел?» «За день». «Четыре гроша в день... — подумал старик. — Ладно. Бери мою дочь». «Спасибо, отец. Но теперь объясни, зачем тебе все это? Ведь я — царевич. Мне нужно будет управлять страной, а не плести циновки». «Эх, сынок, — отвечал пастух. — И я был королем.

Но если бы умел хотя бы плести циновки, то после потери царства моя семья жила бы чуточку лучше». Эту сказку в силу ее универсальности можно рассказывать на уроках труда, истории, этики или на внеклассных занятиях.

Овладение ремеслом ставилось в обязанность всем еврейским юношам, посвящавшим себя изучению Закона. Именно оттуда у апостола Павла ремесло: шитье палаток, благодаря чему он ничем не препятствовал благовествованию, кормился трудами своих рук и не давал повода упрекать его в корысти.

Целых несколько лет он прожил в Аравии, добывая пропитание своим ремеслом, столь нужным каждой бедуинской семье. Об этом в Писании есть только одна строчка: «Пошел в Аравию и опять возвратился в Дамаск» (Гал. 1, 17). За этой текстовой скупостью – годы аскетической жизни, молитв, изучения Писаний. «Не делай из слов Закона ни золотого венца, ни лопаты», — говорили законоучители, — то есть не превращай Божественное Писание ни в способ прославиться, ни в средство заработка. Актуальны эти слова и для нашего времени.

Эпоха выдвигает своеобразный социальный заказ. Обществу нужны священники-врачи, священники-педагоги как для более глубокого проникновения духовенства в жизнь мира, так и для большей независимости священника от людской жертвы за службы и требы.

Если бы человек был потомком обезьяны, он никогда не ел бы хлеб. И не только потому, что не додумался бы.

Просто незачем было бы так тяжело и долго трудиться ради насыщения. Быстрее и легче было срывать то, что свисает с деревьев, и выкапывать то, что растет из земли. Хлеб – самая привычная пища человека, и он же – самая трудно дающаяся пища.

Есть латышская сказка об одном пастухе, которого обессиленный от голода волк попросил есть. Пастух дал волку большой кусок хлеба. «Какая вкусная у вас, людей, еда, – сказал волк. – Если бы мы ели такую еду, то не нападали бы на ваших овец. Как ее делают?»

«Это история долгая, – сказал пастух. – Вначале надо землю вспахать». «И можно есть?!» «Нет. Погоди. Потом нужно землю засеять». «И можно есть?!» «Да погоди ты. Я же сказал – это история долгая».

И пастух продолжил рассказывать волку длинную цепочку сельскохозяйственных операций о том, как нужно ждать урожая, потом жать, скирдовать, молотить, сушить, молоть, печь... Волк то и дело ввязывался с вопросом: «И можно есть?» А в конце сказал: «Вкусная у вас, людей, еда, но трудная. Видно, будем мы на овец ваших нападать». Сказка эта не для волков, а для людей.

О том, что еда у нас вкусная, мы знаем. А вот о том, что она у нас трудная, забываем. Вся жизнь человеческая – это смесь трудного и вкусного, трудного и красивого. Огромный труд стоит за светом обычной электрической лампочки или

за струей воды из крана. Этот чужой труд нужно ценить, а лучший способ – трудиться самому.

Легко пачкается только то, что выстирано мамой. То, что выстирал и выгладил сам, бережется тщательнее и пачкается неохотно. Как вы заметили, мы ничего пока не говорим о посте и молитве, о Страшном Суде и будущей жизни.

Но вряд ли кто-то дерзнет заявить, что сказанное выше христиан не касается. Это – как бы «скрытое Евангелие», согласная со словом Божиим нравственность, усвоив которую, можно идти выше. Ведь для того чтобы «обожиться», надо вначале «очеловечиться».

Впрочем, тема связи труда и воспитания касается и Личности Господа Иисуса Христа. Мнимый отец Господа – праведный Иосиф – был «древоделом» по профессии, то есть плотником. Им Христос был обучен держать в руках долото и стамеску, сверло и рубанок. Столярные и плотницкие инструменты с тех пор почти не изменились.

Сын Божий тяжело зарабатывал Свой хлеб. Его спина и руки знали, что такое мускульная усталость. Прежде чем на Кресте Его глаза были залиты кровавым потом, трудовой пот выступал на Его челе. Все это настолько восхитительно и трогательно, что ради подражания Христу стоит овладеть столярным или плотницким делом.

Старец Паисий Святгорец так и поступил, освоив в юности все инструменты, которыми работал Господь. Мысль об этом очень утешительна для преподавателей трудового обучения. Если учитель верующий, то, ничего не говоря о Боге, но лишь подразумевая трудовое детство и юность Христа, он может превратить свои уроки в уроки Закона Божия.

Ведь не только ум впитывает открыто преподаваемую информацию. Гораздо более сердце впитывает тайно невысказанно передаваемый опыт. И пусть плоды этого «сердечного сеяния» проявятся не сразу. Они будут прочней и долговечней голого «умового» знания.

В одном из своих многочисленных творений свт. Николай Сербский писал, что если бы некий юноша спросил его, что нужно сделать для здоровья своей души, то святитель ответил бы: **«Возьми на себя попечение о ком-то»**. Ведь если человек ни о ком, кроме себя не думает, то он или уже духовно мертв, или стоит на краю пропасти.

Как же практически научить юного человека сопереживанию, отзывчивости, жертвенности? Можно, к примеру, отправляя ребенка в школу и давая ему с собой бутерброд или яблоко, сказать ему: «не ешь один». И яблоко, и бутерброд можно сразу разрезать надвое, чтобы легче было поделиться.

Этот навык пригодится любому парню во время воинской службы. Армейские судьбы тех, кто точит печенье под одеялом, и тех, у кого «хлеба горбушка – и та пополам», складываются диаметрально противоположно. Не от того ли эгоистки-мамаши, воспитавшие в одном экземпляре эгоиста-сына, так боятся отдавать его в армию?

Плохо, если отец или мать курят. Но еще хуже, если они выбрасывают окурки за окно автомобиля или под ноги на прогулке. Это неуважение ко всем, кто идет той же дорогой, и особенно к дворнику, который эту дорогу по утрам метет. Убрать за собой весь мусор после пикника, тщательно затушить костер – все это очень воспитательно.

В этом есть и уважение к людям, которые придут сюда отдыхать после нас, и бережное отношение к природе. Там, где жизнь сурова, а человеческие жилища далеки друг от друга, заботливые мысли о незнакомцах, о случайных путниках – залог выживания. Для них на зимовьях оставляются еда и спички. Ради них в горах, уходя, не запирали двери и оставляли на столе хлеб. Но городская культура выветривает из жизни мысль о ближнем, тревогу о нем. Значит, дело за воспитанием.

Все, что окружает нас, сотворено Богом или сделано людьми. Люди построили дома и вымостили дороги. Небо, земля и источники вод со всем, что живет в них, – дело Божие. В любом одуванчике, в любом майском жуке больше творческой премудрости, чем в «Титанике» или «Шаттле».

Человек должен любить мир и удивляться ему. Как ни мала Земля в просторах космоса и как ни микроскопичен человек на планете, все же ради него – человека – и Млечный путь, и смена времен года. Епископ Каллист (Уэр) говорит, что слова «не ломай деревья» могут быть заповедью для современного человека.

Адам был сотворен последним и введен в уже готовый мир, как царь в построенный дворец. И на него легла ответственность за все сотворенное ранее. Эту ответственность с Адама и его детей никто не снимал. Не нужно впадать в крайности таких восточных учений, как джайнизм, где люди метут перед собой метлами дорогу, чтобы не раздавить жучка, а рот закрывают марлей, чтобы не проглотить мошку. Но и относиться к миру, как безмозглый тиран, – нельзя.

Схиархимандрит Софроний в книге о старце Силуане вспоминает такой эпизод. Они со старцем шли по одной из крутых афонских троп. В руке у Софрония была палка, и он, махнув ею, ударил по кусту. Подрубленная ветка повисла, а старец посмотрел на ученика. В его взгляде была скорбь и вопрос: «Зачем?»

Этот же вопрос надо задавать ребенку, обрывающему цветы, чтобы через пятьдесят минут их выбросить. Дело не в том, что растению «больно», а в том, что мир – это наш дом, и вести себя в нем надо, как мудрый хозяин.

Кстати, Господь, по мысли еврейских толковников Закона, и сотворил человека одного, а не сразу множество, как ангелов, чтобы каждый из нас чувствовал на своих плечах святую тяжесть персональной ответственности за мир.

Выше мы немного сказали о труде. Этот разговор требует логического продолжения в теме пищи. Труд и еда неразрывно связаны, и классическое Павлово «кто не работает, тот не ест» полюбили даже в Советском Союзе.

Цитата из Нового Завета без указания книги, главы и стиха висела в виде транспарантов на многих улицах страны «победившего социализма». Некоторые другие цитаты из прошлого нам также сегодня могут пригодиться. *«Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб — драгоценность. Им не сори».*

Этот плакат из школьной столовой моего детства я бы и сейчас повесил бы в современных школах. Есть древний рассказ о двух монахах, живших неподалеку. Один из них возделывал огород и ел то, что выращивал сам. Рядом тек ручей, оттуда монахи брали воду.

В этот ручей монах-огородник выбрасывал время от времени пищу, которую не съел. Второй заметил это и стал подбирать недоеденное (это были бобы). Он промыл их и переварил, добавил чего-то еще и пригласил соседа в воскресенье на трапезу. «Нравиться ли тебе моя еда? — спросил он соседа. «Очень, — отвечал тот». «Прости, но это то, что ты выбрасываешь». Устыдившись, монах с тех пор готовил столько, сколько мог или хотел съесть.

Пищу нельзя выбрасывать. Это — дар Божий. Грешно искать новое, если не съели старое. Сегодняшние дети, по вине взрослых, страшно разбалованы в этом отношении. Без исправления ситуации в этом вопросе мы ни шагу вперед не сделаем в нравственном воспитании, сколько бы молитв мы не выучили.

Лучшая и вкуснейшая еда это не чипсы, не шоколадные батончики, а хлеб, молоко и овощи. Лучшее питье не кока-кола, а вода. Чтобы этот понять, нужны голод и жажда. Голод, как известно, — лучшая приправа. Ребенку нужно вернуть вкус обычной пищи.

Ян Амос Каменский говорил, что, когда ребенок просит есть, надо дать ему хлеба. **Если ребенок не хочет хлеба, значит, он не хочет есть.** Это разбалованная гортань хочет новых ощущений. И именно в этом одна из причин нервности, своеволия, капризов.

Современный человек вообще жует все чаще и постепенно приближается по частоте работы языка и челюстей к травоядным. Сигареты, кофе, жвачки между приемами пищи — это каскад вкусовых ощущений, без которых многим уже не обойтись. Без сомнения — это разновидность рабства и отступления от естественности.

Когда взрослые спрашивают, как поститься их детям, я думаю, что не творог и яйца должны в первую очередь исчезнуть из рациона на сорок дней. В первую очередь должны исчезнуть конфеты, пирожные, жвачки. Должно исчезнуть все, развращающее вкус и портящее одновременно зубы и желудок. Кстати, и телевизор на время поста было бы недурно завешивать «траурной тафтой». Но об этом попожже.

Человек – существо словесное. О том, что *«словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести»*, достаточно сказано поэтами и писателями. Но в практическую область, в сферу воспитания тема правильного и аккуратного отношения к слову проникла слабо.

Начнем с «волшебных слов». «Здравствуйте», «пожалуйста», «спасибо», «будьте здоровы», «всего вам доброго» — эти простые и необходимые атрибуты речевого этикета должны быть заучены раньше и лучше таблицы умножения. Это во-первых.

Во-вторых, **слово надо держать.** Наша говорливая эпоха уже приучила людей к тому, что можно говорить и не делать. Этот анти принцип прослеживается на всех уровнях: от невыполнения предвыборных обещаний до подросткового «приду в десять», хотя придет в двенадцать.

Слово надо держать в отношении любых обещаний и обязательств. Сказал «верну» — верни. Сказал «завтра» — значит, завтра, а не через неделю. Приучая себя самих, своих детей и воспитанников бережно и точно обращаться со словом, мы тем самым облегчаем себе и им стояние на Страшном Суде. Ибо «от словес своих оправдаешься и от словес своих осудишься».

Умение правильно пользоваться речью диалектически неразрывно связано с умением молчать. Временами язык нужно прикусывать, чтобы не выболтать чужую тайну, не лезть с советами, когда тебя не просят, не перебивать собеседника, не вступать в чужой разговор.

Древние сказали, что у человека язык спрятан за двойной преградой — губами и зубами. И это для того, чтобы не каждое слово слетало с языка. Кстати, умеющий молчать, как правило, в словах точен. Его речь — доношенный ребенок. Учиться этому можно у спартанцев. Это их матери, отправляя сыновей на войну, давали им щит и говорили только: «С ним или на нем».

Однажды враги прислали спартанцам угрожающее письмо. Там говорилось, что если противник ворвется в Спарту, то женщины станут рабынями, мужчины умрут, дома сгорят, богатства будут разграблены. Спартанцы ответили: «Если».

Умение молчать собирает воедино рассеивающийся ум. Собранные, как лучи в линзе, мысли согревают сердце. И уже тогда в сердце рождаются всякие слова, ибо от «избытка сердца говорят уста». В Писании эта тема глубже всего раскрыта

у апостола Иакова, в соборном послании (глава 3, стихи с 1 по 12), а также в многочисленных притчах Соломона. Например: *«От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб»* (Прит. 14, 23). *«Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа»* (Прит. 15, 4). *«Язык глупого — гибель для него, и уста его — сеть для души его»* (Прит. 18, 7).

Отметим, что тексты эти не содержат догматов веры, но одни лишь правила жизни. С ними и неверующему трудно не согласиться. Так, извлекая из Библии нравственные уроки, мы, быть может, впервые открываем ее человеку и поселяем в нем уважение к Писанию.

Теперь несколько слов о телевидении. Само по себе оно лишь средство, и люди наполняют его тем, чем питается их сердце. Если сердца людей питаются прахом, сплетнями и страстями, то на ведущих каналах трудно найти что-либо другое.

Хотя при изобретении способа передачи образа на расстоянии (теле-видение) первой картинкой был православный крест. Известен также следующий случай. При прокладке по дну Атлантики кабеля для информационной связи между Старым и Новым Светом континенты обменялись приветствиями. Из Европы пришло: «Свобода. Равенство. Братство». Из Америки ответили: «Иисус Христос вчера и днесь той же, и во веки».

Очевидно, что дело не в кабеле, а в том, кто о чем думает из числа людей, отправляющих информацию. Так и наш телевизор. У неокрепшего человека он может сформировать уродливую картинку мира. Кулачные и огнестрельные разборки, прожигание времени в ночных клубах, постельные упражнения и т.п. в реальной жизни занимают вовсе не так много места, как им отводится на экране.

В жизни реальной есть все жанры: трагедия, драма, фарс, комедия, боевик. Только смонтированы эти разно жанровые части так, что любому кино-мэтру не под силу их скопировать. И реальность всегда превосходит фантастику своей неожиданностью.

Человек приходит в мир не по своей воле. Перед ним стоит задача понять мир и найти себя в нем. О том, что жизнь — это не загородная прогулка, нужно осторожно говорить человеку с ранних лет. Кроме журнальных и киношных красавиц, есть больницы, есть немощная старость.

Кроме дорогущих костюмов от кутюр, есть ужасающая бедность, до сих пор охватывающая полмира. Все это, впрочем, тоже может быть на экране. Тюрьмы, кровь, смерть. Несправедливость, отчаяние, агония. Но в том то и дело, что телеэкран чаще всего или пугает, или смешит, или рождает грезы. А все это плохо помогает воспитанию.

От сладкого не только портятся зубы, но и расстраивается аппетит. От телевизора не только болят глаза, но и извращается мировоззрение. Вообще подход к телевидению вместим в два слова: избирательность и дозирование. То есть смотрим недолго и только то, что одобрили взрослые.

Все выше сказанное рождает еще одну тему. Ребенок вовсе не просто объект воспитания. Он еще и субъект действия и познания. Он — неповторимая личность. Разные глыбы мрамора по-разному реагируют на молоток скульптора. Неужели дети одинаково реагируют на воздействие взрослых? Конечно, нет. К ним нужен свой подход, нужна педагогическая чуткость.

Может быть, в желании воспользоваться готовым шаблоном кроется ошибка многих родителей и педагогов. Ребенок хочет любви и чувствует ее или ее отсутствие тоньше, чем глаз чувствует соринку. Любая строгость простится и любое лишение будет не в тягость, если сердце ребенка будет чувствовать любовь наставника.

Без любви в воспитании лучше не соваться. И еще не стоит браться за труд воспитания, если сам не хочешь учиться, если уверен, что все знаешь. Воспитание — это всегда диалог. Словесный или бессловесный, но диалог.

Учитель продолжает учиться, и только тогда может увлечь ученика, раскрыть заложенное в нем и общаться на уровне «от сердца к сердцу», а не «от мозгов к мозгам» или «от розги к заднице». Затронув тему диалога, вспомним о том, что Сократ учил, разговаривая. Он спрашивал, слушал внимательно, думал, отвечал на вопросы.

Так же, прогуливаясь и беседуя, вели занятия ученики легендарной Академии. Наш мир искусство диалога потерял. Сегодня, чтобы провести дебаты между соперниками, нужен судья, медиатор. Он будет задавать регламент, давать и отнимать право слова, утихомиривать. Иначе дебаты превратятся в птичий базар. Все будут галдеть, перекрикивать, перебивать. А потом еще и подерутся.

Нам нужно возвращать в жизнь искусство диалога, и учитель (родитель), беседующий с учениками (детьми), может научить их самих уважать, выслушивать собеседников. Вот мы уже сколько всего сказали и вспомнили. А между тем еще не объяснили смысл молитвы «Отче наш» и не научили ученика креститься. Хотя мы говорим о христианском воспитании. Простите, о «до-христианском» воспитании, но таком, которое создает человеку личностно-нравственный фундамент.

Потом на этом фундаменте строй, хочешь — собор, хочешь — маленькую часовню. Подуют ветры, польются воды, упрутся в строение и не повалят его. Потому как — фундамент есть. Каждый мальчик хочет быть храбрым, ловким и мускулистым, каждая девочка хочет быть красивой до неотразимости.

На реализацию этих желаний работает спортивная индустрия, косметическая промышленность и медицина, да и мало ли еще кто. Но нам стоит помнить, что гораздо больше красоты и силы мышц человеку нужна будет в жизни сила воли.

Эта внутренняя, то запрещающая, то повелевающая сила способна худенького парнишку сделать храбрее любого бойца, а трудолюбивому середнячку подарить больший успех, чем талантливому разгильдю. Сила воли воспитывается там, где чувство долга и ответственности заставляет делать то, что не хочется, и там, где нравственный закон запрещает делать то, что хочется.

Хочется похохотать на физкультуре над неудачным прыжком товарища. Но ведь ему обидно, и значит, нельзя. Не хочется пылесосить в комнате или выносить мусор, но это твои обязанности, значит, надо. Нить накала нашей жизни горит между полюсами «хорошо» и «плохо». На первой стороне размещен императив «надо» (хотя не всегда хочется). На второй — «нельзя».

Если же мы позволим себе жить по прежнему — «хочу — не хочу», то из реки, текущей между двух берегов, жизнь превратится в бесформенную и бесполезную лужу. Какой лозунг можно начертать на знамени юноши? Один из хороших вариантов: «Учись у всех».

Учиться нужно всю жизнь, и привить любовь к этому нужно с детства и юности. Один из твоих друзей бегаёт по утрам — учись у него этому. Другой — учит самозабвенно один или два иностранных языка.

Вот еще добрый пример для подражания. Кто-то аккуратен в одежде. Кто-то нетерпим к несправедливости. Кто-то учтив со старшими. Все люди — это книги. Большею частью непрочитанные, пылящиеся на полке.

«Учись всему доброму, что видишь в друзьях и знакомых», — так сказал бы я юноше, желающему жить правильно. «Батюшка, мой сын совсем от рук отбился. С женой разошелся, пьет...», «Батюшка, помолитесь за моего сына. Грубый стал, дерзкий. Никого не слушает. Работу бросил», «Ой, батюшка. Что с моей дочкой делается? стыдно сказать» — подобные жалобы и просьбы священники выслушивают чаще, чем рядовой гражданин прогноз погоды.

Но отмаливать 25-летнего неправильно живущего человека, это — отмывать грязь, копившуюся 25 лет. Труд — более нелегкий, чем «из болота тащить бегемота». Церковь не действует магически: «отчитали — все прошло», «храме был — и все в порядке». Детей нужно воспитывать. Будем считать, что мы всего лишь открыли тему.